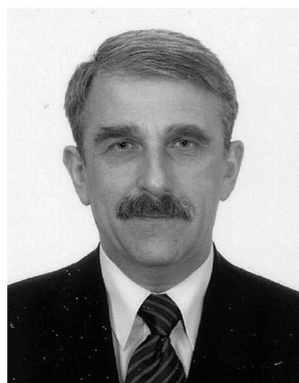

УДК (008:340.1)(47)

К.Е. Сигалов

И.Н. Мукиенко

Сигалов К.Е.*,
Мукиенко И.Н.**

Ещё раз о загадках российской правовой культуры¹

*Сигалов Константин Елизарович, доктор юридических наук, доцент, директор Центра правового регулирования финансово-экономических отношений Института проблем эффективного государства и гражданского общества, Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-6864-8570>

E-mail: konstantin-e-sigalov@j-spacetime.com; sigalovconst@mail.ru

**Мукиенко Игорь Николаевич, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра правового регулирования финансово-экономических отношений Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при правительстве Российской Федерации

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0003-4190-2871>

E-mail: igor-n-mukienko@j-spacetime.com; inmukienko1962@mail.ru

В статье предпринята попытка рассмотрения философско-правовых, теоретико-правовых и историко-правовых оснований становления российской правовой культуры в контексте ее «мифологизации», создаваемой, прежде всего, несовершенством псевдонаучных доктрин. Показано, что российская правовая культура, формировавшаяся и существующая в условиях многонациональной, многоконфессиональной, многотрадиционной страны, которая по определению не может быть однородной в правокультурном смысле, является органичной, но весьма своеобразной частью общеевропейской правовой культуры, без которой таковая немыслима, что неоднократно доказывалось ходом исторического развития.

Ключевые слова: право; правовая культура; правосознание; правоотношения; правовая практика; правовая традиция; цивилизационно-правовая установка.

Представление о российской правовой культуре обретается не столько в реальности, сколько в теории, абстрагировании от действительности, оперирование которыми имеют не познавательный, а идеолого-политический смысл. В то же время невозможно представить российскую правовую культуру вне связи с общеевропейскими факторами становления, генезиса и сложнейшего исторического пути, пройденного русским народом. Тем не менее, многие феномены русской правовой культуры интуитивно схватываются, но не подвержены исключительно логическому объяснению и требуют объяснения на уровне сущности.

Уже давно замечено, что в праве и правовой культуре, как в российской, так и мировой сложились устойчивые мифы, которые не позволяют раскрыть существо проблемы и представляют действительность не вполне таковой, каковой она является на самом деле. Мифы очень удобны: мифотворцы сооружают то, что им выгодно, полезно, удобно как для собственного понимания, так и для объяснения другим. Зачем необходимо их творить и почему всякого рода мифы возникают – другой вопрос. У каждого конкретного мифа своя причина, своя история и даже своя судьба. При

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета 2016.

этом следует понимать, что «для мифологизации российской правовой культуры в отечественной общеправовой теории создана «крепкая» методологическая основа: в понимании природы правовой культуры у правоведов сложилось стабильное единодушие, а значит, стабильное и удовлетворяющее всех заблуждение относительно существа вопроса»¹.

Мифы о правовой культуре особым образом культивируются, потому что имеют политическую, религиозную и национально-шовинистическую подоплёку. В этом смысле мифы о российской культуре вообще и о российской правовой культуре в частности не составляют никакого исключения и не являются более «мифологичными», чем какие-либо другие мифы.

Правовая культура опирается на правовые отношения и правовые практики, объективно складывающиеся в обществе. В сферу правового регулирования, как правило, входили три группы общественных отношений.

В первую очередь возникает необходимость в урегулировании отношений людей по обмену ценностями, как материальными, так и нематериальными. Именно наличие собственности, её принадлежности конкретным лицам и социальным слоям, а также возможности всесторонне распоряжаться ею, вызвала необходимость в новом инструменте регулирования, заменившем прежние, устаревшие. Какие бы политические и религиозные лозунги не выдвигались бы, главное, за что всегда боролись люди – это собственность, способы владения и пользования ею.

Второй аспект касается власти, её полномочий, отношений господства-подчинения, статусов, возможностей своей собственностью эффективно распоряжаться, а чужой манипулировать.

Третий аспект касается обеспечению правопорядка. Эксцессы в обществе, вызванные посягательствами на чужую собственность, оправление власти и нормальное осуществление жизни населения, с самого начала возникновения права осуждались и решительно пресекались. Поэтому нормы, регулирующие эти отношения, были призваны обеспечить нормальное протекание процессов обмена ценностями, способов управления и осуществления нормального существования населения.

Это, в общем-то, азбучные истины, но от того, как протекают эти процессы как практики, и зависит облик конкретной правовой культуры. Различные правовые культуры – наиболее зримое воплощение различных проявлений права. Право – явление духовной жизни общества, но любое духовное не возникает умозрительно, не является только продуктом мыслительной деятельности. Духовное – это результат воздействия сложного переплетения факторов материальной жизни, цивилизационного устройства, природных условий, геополитических обстоятельств, которые делают духовное именно таким, какое оно есть. Различия в социальной жизни, экономическом укладе, особенностях становления государства наиболее явственно демонстрирует то, каким образом условия создают конкретное право. Именно условия жизни людей обуславливают предпосылки, при которых они создают те правила поведения, которые оптимальны, удобны или выгодны в конкретной цивилизации. Мир многообразен и многолик, столь же многообразны и многолики правовые цивилизации. По мнению Самюэля Хантингтона, цивилизация – это «наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентификации, помимо того, что отличает человека от других биологических видов. Она определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей»². Эти параметры неумолимо действуют для всех феноменов социального бытия, в том числе и бытия правового. Причём в различных социумах право занимает различное место в иерархии ценностей. Как отмечает А.В. Поляков, «в одних обществах право представляет собой высшую социальную ценность, подчиняя себе остальные ценности, в том числе моральные и религиозные. В других – оттесняется на второй план и играет роль вспомогательную»³. Правовая культура есть правовая среда обитания людей, существенная составляющая духовности той или иной цивилизации, определяющая условия бытия общества. «Цивилизация предполагает формальные механизмы упорядоченного, правового поведения, а не основанные на чьей-то милости, идее или доброй воле»⁴.

Право – величайшее завоевание цивилизации, позволяющее регулировать поведение и деятельность государства, общества, конкретных людей в соответствии с теми представлениями, которые позволяют им функционировать наиболее оптимальным образом. На первых этапах своего развития право было в состоянии сделать это только единстве с моралью и религией. В развитом, сформировавшемся праве мораль и, тем более религия, присутствуют в «снятом», сублимированном виде, и само право способно

¹ Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. С. 134.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2005. С. 51.

³ Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб.: Издательский дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. С. 255.

⁴ Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. М.: Логос, 2004. С. 20.

установить этот алгоритм без прямого, непосредственного воздействия морали и религии. В современном обществе право само приобретает смысл, значительно превосходящий тот который был заложен в нём изначально, ибо становится формой духовности сопоставимой и равной религии, морали и философии. Эта духовность поднимает право на такой уровень, который позволяет регулировать отношения и устанавливать формы мыслительной общности приёмами, характерными для религии и философии.

Правовая культура в каждом конкретном случае, для каждой конкретной правовой цивилизации объективно создаёт систему смыслов, которые придают праву характер уникальности и целостности. Эти смыслы есть результат прямого или опосредованного воздействия на социальную жизнь типа общественно-производственной технологии, характера деятельности, господствующей религии, географических, климатических и других природных условий обитания людей, их национальной самоидентичности и ментальности. Посредством этого правовая культура обуславливает значимость именно тех правовых феноменов, которые придают праву совершенно конкретные очертания, т.е. делают право таким, какое оно есть, обуславливают национальную самоидентичность и стимулируют его развитие.

Облик правовой культуры определяется задачами, стоящими перед каждым социумом. Почему та или иная правовая культура обладает именно ей присущим набором характерных черт и признаков, обусловленных кодом ее исторического развития, наличием в ней ведущей общественно-производственной технологии, типом деятельной ментальности цивилизации, господствующей формой собственности, логикой исторического бытия.

Однако правовая культура носит не только национальный характер, она может быть региональной, социальной, профессиональной, но это не самостоятельные социокультурные феномены, а некие «пазлы» субкультуры, из которых общая национальная культура, в конечном счёте, и складывается. Социальные и профессиональные диспропорции только подчёркивают национальную специфику направленность развития.

Русская правовая культура, равным образом как и вся европейская культура, – это порождение античной духовности; её корни, генезис и её проблемы существования следует искать там, где они берут свои истоки, – т.е. в античности. Известно, что редко когда у родителей получаются совершенно одинаковые дети, что обусловлено объективными внешними обстоятельствами и целым комплексом конкретных обстоятельств жизни этих родителей, условиями формирования мировоззрения и ментальности их детей. Используя такую аналогию, нетрудно предположить, что у «античных» родителей могли получиться не вполне похожие европейские дети. В целом различие между западноевропейским и восточноевропейским восприятием мира предопределил раздел Римской империи на восточную и западную части, в первой преобладали греческие традиции, во второй – римские. Римская цивилизация близка греческой, но не является её буквальным слепком.

В Восточной Римской империи, в Византии основным языком был греческий, на котором говорили и писали не только обычные люди, но и властная элита, а главное духовная элита – учёные, философы, отцы церкви. Греческий язык был ближе к древнегреческой философии и тому греческому полисному духу, которых в целом был не идентичен римскому. В Западной Римской империи все говорили на латинском языке, рациональный строй позднеантичной философии и рациональная значимость римского права были ближе и ценнее не только властным и духовным элитам, но и простым людям.

В основе второго важнейшего различия между Восточной и Западной Римской империей, между Византией и Западом была ментальная опора на ведущих философских авторитетов. Если на Востоке это был Платон, представивший цивилизации целостный нерасчленённый мир идей, то на Западе таковым был «отец логики» и рационализма Аристотель. На Западе знакомство с Платоном произошло достаточно поздно, тогда, когда мироощущение западного человека уже в целом сформировалось.

Основой религиозного мироощущения (а средневековое мироощущение везде могло быть только теоцентричным) на Западе был Фома Аквинский, который чётко провёл границу между верой и знанием. Этот посыл, как бы ни секуляризировался Запад, и сегодня остаётся

Платон (слева), Сенека (в центре) и Аристотель (справа) на европейской книжной миниатюре. Ок. 1325–1335

Фома Аквинский (Thomas Aquinas, ок. 1225–1274). Фрагмент картины Джованни ди Паоло «Фома Аквинский побеждает в диспуте Аверроэса», 1445–1450

Патриарх Фотий (ок. 820–896). Фрагмент византийской миниатюры XII в.

Св. патриарх Фотий опускает в море ризу Влахернской Божьей Матери во время осады Константинополя киевским князем Аскольдом. Фрагмент миниатюры Радзивилловской летописи. XV в.

западным ментальным знаком. На Востоке такое же место занимал византийский патриарх Фотий, который изначально подчёркивал принципиальное различие между восточным и западным христианством, был уверен в том, что единственный очаг европейской культуры – это Византия, и для пропаганды своих воззрений основал в 870 г. Академию, где читал лекции по греческой философии. Ученики Фотия распространяли его идеи на Востоке, так же как последователи Фомы – на Западе.

Патриарх Фотий занимает особое место в становлении русской культуры в целом. Именно он послал Кирилла и Мефодия на Русь, именно под огромным влиянием Фотия, платоновской философии и славянских апостолов сформировалась и литургия православной церкви, и строй славянских языков. Восточноевропейское мышление в целом, и русское мышление в частности

сформировалось именно в период деятельности Кирилла и Мефодия, точно так же как западноевропейское – в период схоластики. «Нерасчленённое» представление о сущности всех явлений всегда было и благом, и бедой русского отношения к праву. И.В. Киреевский, получивший образование в Германии, с удивлением отмечал расчленённость западного мироощущения, когда нравственное постигается одним чувством, прекрасное – другим, полезное – третьим, никоим образом не контактируя друг с другом, и только абстрактный рассудок постигает на Западе истину.

«Бесчувственный холод рассуждения и крайнее увлечение сердечных движений почитают они равно законным состоянием человека. Аристотелевская система разорвала единую взаимосвязь духовных сил, оторвала все идеалы от их нравственных и этических корней и пересадила в сферу интеллекта, где имеют значение только абстрактные знания»¹.

В течение длительного времени именно логика восприятия действительности составляло основу различия между западной и восточной правовой культурой, подкреплённой спецификой религиозного освоения мира. «Всякое мышление пользуется двумя инструментами – логическим анализом и интуитивным синтезом, и преобладание интуиции отвечает за религиозное чувство. Однако когда речь идёт о явлениях общественных, важнее всего во что верит человек на земном уровне, как он воспринимает себя и других людей. Считает ли он самоочевидной истиной, что все люди равны в своём праве на свободу и что обществу надо создавать систему власти для охраны этого права? Или что правильное устройство подобно семейному, где глава семьи опекает своих чад – подданных, определяя им степень свободы по своему мудрому усмотрению? В первом случае идеал – свободо-властие, во втором – самодержавный патернализм»².

Восточная и западная правовые традиции дифференцируются по ценностно-архетипическому критерию, ибо в основе этой дифференциации лежат и логика мышления, и представления о базовых культурных ценностях, и принципы властных иерархических отношений. Традиционно и отчасти справедливо считается, что «западная правокультурная традиция, также именуемая индивидуалистической, воспринимает право, как синоним индивидуальной свободы, а та, в свою очередь, является самостоятельной важнейшей ценностью, являющейся основным объектом защиты. На Западе существует безусловная вера в силу и действенность закона. Справедливость формируется как в большей степени формальная характеристика, ответственная за применение равного масштаба к неравным лицам. Право является самостоятельной безусловной ценностью и не ставится в зависимость от морали или религии. В восточных, так называемых коллективистских культурах, право вторично по отношению к религии и морали, фактически являясь объектом оценивания с точки зрения соответствия указанным регуляторам. В архаичном социуме все социальные нормативы, слитые воедино, успешно осуществляли необходимое регулирование. В западном обществе право достаточно быстро преобразовалось в особый и весьма эффективный социальный регулятор, основанный на принципах

¹ Киреевский И.В. О характере просвещения Европы [Электронный ресурс] // Литература и Жизнь. Режим доступа: http://dugward.ru/library/kireevskiy/kireevskiy_prosv_evrop.html.

² Горелик Г.Е. Встреча цивилизаций на краю света // Знание – сила. 2016. № 6. С. 81.

реализации индивидуальной свободы и формальной справедливости. Так называемое «обычное право» если и осталось в ареале формально-юридического регулирования, то лишь в качестве вторичного источника позитивного права. В восточных же обществах процесс правогенеза пошел другим путем. Благодаря особенностям эволюции, на Востоке человек стал важен не сам по себе, а лишь как часть целого. Если Запад акцентирует внимание на разуме, на научно-техническом прогрессе, на самоценности человека как личности, то Восток долгое время не приемлет науку как самостоятельный вид деятельности и делает акцент на духовности»¹.

Тем не менее, основной миф о российской правовой культуре – это миф о её гомогенности. Российская правовая культура, вероятно, была таковой только до Ярослава Мудрого. Уже тогда, когда безмерная щедрость Ярослава Мудрого заложила наряду с социально-экономическими еще и политико-правовые основания распада Киевской Руси на многочисленные княжества, российская правовая культура единой быть перестала. В известной мере единству российской правовой культуры способствовало лестничное право, когда во всех русских княжествах на престолах находились представители одной династии Рюриковичей, а главной задачей и великой мечтой каждого князя было занятие главного, т.е. Киевского престола, а не забота о «своей»

Чтение народу Русской Правды в присутствии великого князя Ярослава Мудрого. Художник А.Д. Кившенко, 1880

земле, на которой он был лишь временным властителем. Но после Любечского съезда князей, отказавшегося от этой русской экзотики и провозгласившего принцип наследования земель своих отцов, правовая культура каждой из земель стала развиваться своеобразно. Родился новый политический строй, в основе было крупное землевладение, и родилось новое мироощущение, изменилась духовность. И каждое княжество стало строить свою жизнь по-своему, получило свою собственную историю, и культура каждого из княжеств приобрела своеобразие. Монгольское нашествие и порабощение Руси добавило новые оттенки в палитру русской духовности. Это развивалось достаточно долго, но к концу XV в. можно наблюдать три вполне независимых типа российских правовых культур:

- 1) Московская (Северо-восточная Русь) – замешанная на уникальном симбиозе дохристианских обычаев, монгольских и византийских порядков,
- 2) Юго-западная – представлявшая собой правовую культуру «альтернативного» русского государства – Великого княжества Литовского, испытавшая меньшее влияние монголов, большее влияние Запада, в дальнейшем поглощенная Западом,
- 3) Северо-западная – правовая культура независимых Новгорода и Пскова, являвшая собой сочетание первых двух, обусловившая гипотетическую возможность возникновения русского республиканизма, испытавшая на себе различное – как позитивное, так и негативное – влияние «варяжского» фактора.

В основе всего этого разнообразия лежали всё те же три правовых отношения: собственности, власти и порядка. В трёх частях русской земли они были разными. А отсюда и дальнейшее формирование всё больших различий в правовых культурах этих частей Руси. В дальнейшем Северо-запад был покорён московскими Рюриковичами относительно быстро, хотя и полностью изменить правовую культуру новгородцев и псковичей пусть даже на уровне правосознания вряд ли удалось. Юго-запад попал в сферу действия другой государственности и испытывал совершенно другие тяготы. Западное право пребывало в этих регионах в извращённой форме: вместо реального Магдебургского права не только сёла и деревни, но города и местечки попали в собственность польско-литовских магнатов. Местное русское население (малороссы и белорусы) считались людьми второго, а иногда и третьего сорта.

В составе единой «большой» России тоже не замечалось единой правовой культуры в пространственном (горизонтальном) измерении. Правовая культура крепостных и черносошных крестьян, казаков и сибиряков, поморов, однодворцев, горцев и т.д. весьма существенно различалась, причём именно по основным факторам самоидентификации, правопонимания, равноправия и свободы.

¹ Мирошниченко О.И. Русский культурный архетип как средство идентификации современного российского права. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М.: РУДН, 2016. С. 20–21.

Суд во времена Русской Правды. Художник И.Я. Билибин. 1907

Слева – Темучина провозглашают Великим ханом (Чингизханом); справа – Чингиз-хан объявляет в большой мечети в Бухаре, что он есть Божья кара. Фрагменты миниатюр из сборника летописей Рашид ад-Дина. XIII–XIV вв.

Юстиниан и его совет. Художник Б.Ж.Ж. Констан. 1886. Фрагмент

тизмом и пышно расцвели буквально сразу же после стояния при Угре. Как уже говорилось, византийское право позволяло относиться собственно к римскому праву, весьма выборочно. «То, что нравится правителю, – имеет силу закона». Это положение, приписываемое Ульпиану, вошло во время кодификации в Дигесты, утвержденные Юстинианом. Этот император в одной из статей своего кодекса поместил принцип, утверждавший, что римский народ законом окончательно передал всю свою власть им-

Так называемая дореволюционная Россия вобрала в себя пять цивилизационных правовых установок.

Первая – восточнославянская, основанная на обычном праве, несформировавшемся государстве, сильных пережитках племенной организации общества. Русь изначально была поставлена в условия гораздо более экстремальные для развития всех сторон своей жизни – цивилизационно-технологической, экономической, правовой, политической, духовной, религиозной. Протомилитмагнарное¹ общество с несозревшим правом, рыхлой государственностью, неформившимися феодальными отношениями стояло в точке бифуркации, перед развилкой, по какому пути идти далее – по западному или восточному.

Вторая установка – восточная, деспотическая. Развитое право и государство только начинало приобретать общеевропейские черты, когда Русь попала под монголо-татарское иго. Страна восприняла от захватчиков худшие, деспотические формы властвования, жесточайшие формы администрирования. В этих условиях право приобретало исключительно уголовно-карательный характер. Внеэкономический характер отношений в сфере производства практически исключал гражданско-правовые отношения. Этот деспотический строй по сути дела был своеобразной калькой монгольского политико-правового устройства. Но ведь монголы тоже не сразу восприняли деспотический восточный стиль жизни. Темучин (Чингизхан) победил своих степных соперников в жесточайшей борьбе и только потому, что китайская жестокость и китайское представление о государственности и властных отношениях стали для него главными инструментами в борьбе за власть.

Третья установка – непосредственное воздействие римского права в его византийской интерпретации и в византийской же интерпретации представлений о государственности и власти. Позднеримские (византийские) имперские представления о власти существенно отличались от тех, которые существовали в эпоху республики и даже принципата. Однако византийские представления о власти проникли на Русь еще до монгольского нашествия, вполне уживались с восточным деспоти-

¹ Архаичная форма военной (или милитаризированной) организации властвования. Термин используется Ю. Семёновым и Н.С. Розовым. Подразумевается, что такая форма имеет деспотический характер, опирается исключительно военную силу ближнего круга соратников (старших дружинников, родственников, своего клана и т.п.). При этом собственно государственные структуры должным образом ещё не выстроены, ибо главе этого раннего, сырого государства достаточно просто военной силы, чтобы решать свои самые насущные вопросы только зарождающегося государства. Как структура она достаточно проста и даже примитивна в силу узкого круга решаемых проблем.

ператорам. «Начиная с IV в., когда Константину было присвоено исключительное право трактовать законы, воля императора стала в империи единственным источником права»¹. Именно такая цивилизационная определённости, когда всё общество, все его институты включая церковь и возглавляющего её патриарха, подчинены правителю, чрезвычайно понравилась князю Владимиру при «выборе» им религии для Руси. Собственно, трудно было бы предположить, что князь сделает другой выбор.

Четвёртая установка – немецкая. Пётр I весьма своеобразно «открыл окно» в Европу. Как указывалось ранее, весь Запад ему был не угоден, он видел идеал, прежде всего, в прусском военном порядке. Законы при Петре I имплементировались или прямо компилировались из шведских или германских кодексов. Английское или французское законодательство с их свободами и правами граждан были для Петра I чуждым явлением. Тем не менее, Пётр I всё же постарался уйти от византийской парадигмы, деспотическую установку «второго Рима» – заменить на имперскую установку «первого Рима». Чрезмерное влияние Востока, погубившее, в конечном счёте, Византию, ветхие одеяния восточного деспотизма были без колебания отвергнуты Петром. И хотя сам-то он по своей природе оставался деспотом, и варварство искоренял варварскими методами, но постепенное возвращение России в европейское политическое и правовое пространство началось именно при нём. Вплоть до начала XX в. в России жило много немцев из различных германских княжеств, значительная часть властных и интеллектуальных элит были этническими немцами². Немецкое влияние всегда было значительным в России, и трудно утверждать, что это влияние было негативным.

Пятая установка – уже общеевропейская, более всего французская. Начатый при Екатерине II поиск оптимальной модели национального права, заимствования элементов либеральных идей, своего места в российской модели права так и не нашли, усилия либеральных политиков в правление Александра I и Александра II были малоэффективны. Имперская консервативная модель российской самоидентичности в начале XX в. обнаружила свою полную несостоятельность перед лицом радикального вызова, а либералы оказались слишком слабы и разобщены, чтобы взять на себя роль национальных лидеров. Как отмечает В.А. Бачинин, «Петербургская цивилизация, не создав полного комплекса необходимых и достаточных оснований для утверждения правовой государственности, не взрастив собственного, зрелого правосознания, оказалась обречена. Привитый к ее древу черенок романо-германского права не успел прижиться, набрать силу и принести плоды. Культура серебряного века, не оберегаемая цивилизованной государственностью, оказалась слишком хрупким творением, чтобы устоять в условиях социального шквала войн и революций. Она стала жертвой “новейшего принципа всеобщего разрушения для добрых окончательных целей”, который исповедовали российские политические радикалы. Народы России, не успевшие пройти научение философским рационализмом и скепсисом, выказали детскую доверчивость к мнениям авторитетов и противоправным директивам вождей»⁴.

Царь Пётр I принимает титул отца Отечества, Всероссийского императора и Великого. 1721. Гравюра Б. Чорикова. Фрагмент. 1830-е гг.

Екатерина Великая с текстом «Наказа»³ в руках. Портрет работы неизвестного художника. 1770-е гг.

¹ Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 151.

² Традиционно наследники престола женились на принцессах из северогерманских протестантских княжеств, единственным исключением был Александр III, женившийся на датской принцессе. Так что в жилах Николая II текло менее одного процента русской крови.

³ «Наказ» – концепция просвещённого абсолютизма, изложенная Екатериной II в качестве наставления для кодификационной (Уложенной) комиссии и содержащая формулировку основных принципов политики и правовой системы. (Прим. ред.).

⁴ Бачинин В.А. Российская цивилизация // Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 743–744. См. также: Он же. Византизм и евангелизм: генеалогия русского протестантизма

Современная российская правовая культура несёт на себе те же ментальные «вериги», что и правовая культура предшествующих эпох – пространственные различия бывают весьма большими – и правовая культура, и правосознание, и правоприменение существенным образом различаются, если сравнивать различные российские регионы. Если с «горизонтальным срезом» всё вроде бы понятно, то представления о «вертикальном срезе» всегда вызывало большие разногласия. Российская правовая культура по определению различна, если сравнивать правовую культуру элит и массовую правовую культуру. И в этом смысле вряд ли современная Россия сильно отличается от Запада. Вероятно, двести, сто и даже пятьдесят лет назад уровень образования, воспитания, социального положения, личностного достоинства и общей культуры так называемых «элит» и народных масс отличался в разы. Сегодня определённое социальное выравнивание всё же произошло, и выделенный «средний класс» как основа стабильности начинает медленно, но верно начал формироваться. Для этого социального слоя характерна совершенно определённая модель правовой культуры, правового сознания и правового поведения.

Трудно не согласиться с мнением, что «правовая культура России представляет собой своеобразный «слоённый пирог», составленный из правовых культур народностей и национальностей, городской и деревенской, столичной и периферийной, религиозной и светской и других культур»¹. Но в этом смысле русская правовая культура мало чем отличается от так называемых западных правовых культур, которая, возможно, ещё более разнообразна. Каждая из стран Запада собиралась из частей, обладающих различной ментальностью и культурно-правовой идентичностью. Также и разные социальные слои совершенно по-разному воспринимали различные правовые ценности и по-разному реализовывали свои правовые запросы.

По нашему мнению, как сегодня, так и на всё протяжении всего исторического развития любая государственная правовая культура не является монолитной. Различные сегменты государственной власти и различные части властных элит демонстрировали многообразие в культурно-правовых проявлениях. Любое серьёзное социально-политическое потрясение вносит раскол в элиты, ибо:

- во-первых, не так уж и способны эти элиты сводить воедино общественную правовую культуру – во время кризисов блокируются или нивелируются интеллектуальные, духовные и социальные возможности, отдаляя властные элиты от элит интеллектуальных;
- во-вторых, любое потрясение – это обострение борьбы за власть, когда та или иная часть властной элиты «выдёргивает» аргументы спора из общественно-культурного правового и политического арсенала;
- в-третьих, любые потрясения ведут (причём во все времена) к серьёзному политико-правовому напряжению всех сил, а именно поиску особых способов легитимации власти, защиты собственности и обеспечению правопорядка;
- в-четвёртых, именно в кризисные эпохи духовные и интеллектуальные элиты заняты поисками своего места, своего пути и своих средств и методов выхода из кризиса.

Для российской правовой культуры характерно отсутствие длительной традиции «пользования» правом и вменяемого нахождения в политике. На Западе это складывалось столетиями, и люди приобретают и профессию, и политические навыки, и необходимость безусловной правовой жизни в течение длительного времени (как своего собственного или времени своей семьи, так цивилизационного времени). В России «высочки» во власти, красотки и спортсмены в Государственной Думе – это не только абсолютное неверие общества в право государства и неверие государства в право общественное, это – глубочайший системный кризис. Власть, при гипотетической возможности рационально использовать интеллектуальный потенциал реальных специалистов (юристов, экономистов, политологов, управленцев, культурологов, историков, этнографов), заполняет коридоры власти «удобными» непрофессионалами. Наш оптимизм и безусловная вера в интеллектуальную мощь российского народа позволяет надеяться, что будущий состав Государственной Думы будет состоять из наиболее достойных и высокопрофессиональных представителей различных политических сил.

В настоящее время в России имеется высокая степень не правовой культуры, а правовой антикультуры, причём не только в определённой части российского народа, но и в среде его представителей – законодателей, что порождает немало проблем с формированием качественной правовой системы современной России.

(очерки исторической социологии религиозно-гражданской жизни) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uuchurch.ru/vizevangelizm.pdf>.

¹ Малахов В.П. Указ. соч. С. 137.

На неготовность нынешнего российского законодателя творить законы в XXI в. указывают многие ученые. Так, например, вполне справедливы сетования Ю.А. Тихомирова по поводу отношения российского законодателя к правотворческой науке:

«В водовороте юридических событий мало замеченным остается такой элемент законотворчества и правоприменения, как законодательная техника. Многим эта деятельность кажется вполне доступной и несложной. Однако затем выясняется: “золотой ключик”, каковым является законодательная техника, зря остался на “дне правовой жизни”. В то время как его использование избавляет от ошибок и способствует повышению качества законов»¹.

Важно высокопрофессиональное мнение о качестве принимаемых ныне законов нашего законодателя – Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина.

«У нас, – пишет он, – судя по тем обращениям в К[онституционный] С[уд], которые приходится разбирать, еще очень много плохих законов. Причем плохих в разном смысле. Некоторые из принимаемых законов, увы, видимым образом противоречат и букве, и духу Конституции. Далее, нередко принимаются законы, противоречащие обязательному для исполнения Россией международному законодательству. ... Наконец, немало законов принимается под давлением лоббистских “групп интересов”. И такие законы нередко противоречат базовым интересам общества и государства. Недостаточная квалификация и опыт значительной части российских законодателей – это объективный факт, от которого невозможно отмахнуться»².

И несколько ниже В.Д. Зорькин справедливо еще раз подчеркивает:

«...у истоков законодательного процесса должны быть именно высокие профессионалы. Которые способны, как освоить и критически осмыслить весь богатейший опыт, так и творчески применить его к развитию специфической российской правовой системы. Именно специфической: я убежден, что унифицированное мировое право – чистой воды миф. И что призывы попросту скопировать в России, например, германскую, американскую или французскую правовую систему – от недомыслия»³.

Прямо на низкий уровень правовой культуры российского законодателя как причину низкого качества российских законов указывает, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН А.В. Малько. «У нас до сих пор нет единого правового пространства... Невольно возникает мысль, а насколько готовы законодатели, которым дано право принимать нормативные правовые акты, к такой работе?», – сказал он, – на юбилейной конференции Института законодательства и сравнительного правоведения и сам себе далее ответил, почему они не готовы: «Правовая культура депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации (справедливо было бы сказать – и многих депутатов Федерального Собрания РФ), к сожалению, далека от того уровня, который необходим для решения возникающих задач»⁴. Его рецепт: для поднятия правовой культуры российского законодателя следует проводить подготовку в юридических вузах страны кадров не только правоприменителей, но и законодателей, способных работать в сфере правотворчества, создавать нормы права на научной основе.

Новое право и новые законы должны быть «высокотехнологичными», их содержание и форма, возможность оперирования рядовыми людьми должна принципиально отличаться от имевшихся ранее. И в этом смысле следует утверждать, что строительство современного российского права и развитие современной массовой российской культуры движется разнонаправленными курсами. Современное российское государственное право мало чем отлично от западного государственного права – как на уровне доктрины, так и на уровне правовой идеологии и правовой политики. Происходит и заимствование, и развитие на собственной основе как лучших, так и худших черт западного права – «у нас государственное право одно с западным, но правовые культуры разные, поэтому ничего кроме идеолого-политических целей, в таком сравнении достичь невозможно»⁵. Государственное право как «око власти» не заметило того факта, что современная общественная правовая российская культура политизировалась, оторвалась от привычного примитивизма; само право как цивилизационная ценность стало более востребованным и необходимым в повседневной жизни рядовых россиян. В целом

¹ Законодательная техника: научно-практическое пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М. ИНФРА-М. 2000. С. 5

² Зорькин В.Д. Тезисы о правовой реформе в России 23 октября 2009 года [Электронный ресурс] // Очерки конституционной экономики. М. ЮСТИЦИНФОРМ, 2009. С. 27–28. Режим доступа: <http://www.philosophicalclub.ru/content/docs/p3.pdf>.

³ Там же. С. 28.

⁴ Какими быть законам XXI века?: По материалам научно-теоретической конференции, посвященной 75-летию ИЗиСП // Журнал российского права. 2001. № 3. С. 32.

⁵ Малахов В.П. Указ. соч. С. 140.

правовой нигилизм постепенно, медленно, но верно перестаёт быть «достоянием» основной части российских граждан. На этом фоне вызывающие факты игнорирования права и российского законодательства, которые демонстрируют отдельные представители власти и бизнеса, персонажи «светских» тусовок и так называемой современной «золотой молодёжи» вызывают особенно острую реакцию рядовых российских граждан. И это не есть «дежурная фраза» из советского прошлого «если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет», а ответ на вызов времени. Право – не просто «технический приём», выработанный цивилизацией для установления неких правил поведения, которые следует в каких-то случаях соблюдать, а каких-то – не соблюдать. Право – это особый, единственно верный способ организации жизни, это «код» поведения людей, позволяющий точно знать и понимать, почему, то или иное поведение верное или предпочтительное, а другое – ошибочное или порочное. Право устанавливает алгоритм отношений, определяя ценностное и важное, предпочтительную для общества и других людей модель поведения субъекта.

В заключение хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Проблема никогда не будет понята без уяснения генезиса таковой. Изучение и всей русской правовой культуры, и проблем её становления выходит далеко за рамки чисто академического интереса. Невозможно понять существо российской правовой культуры без сопоставления её с другими правовыми культурами – как в исторической ретроспективе, так и в современном прочтении. Многие явления и процессы, сформировавшиеся в Древности и Средневековье, продолжают оказывать сильнейшее влияние на современность. Более того, практически невозможно понять истинные причины современного состояния законности, правопорядка, правопонимания, общественного и индивидуального правосознания, состояния гражданского общества, причин возникновения и уровня коррупции, специфики отечественного бизнеса, всего механизма развития финансово-экономических отношений, если не исследовать их истоков, если не понять, что лежало в основании этих формирования феноменов. Русская правовая культура всегда будет загадочной, если не ставить задачу уяснения её существа и не производить усилий для превращения её в ценность отечественной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачинин В.А. Российская цивилизация // Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 733–746.
2. Бачинин В.А. Византизм и евангелизм: генеалогия русского протестантизма (очерки исторической социологии религиозно-гражданской жизни) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uuchurch.ru/vizevangelizm.pdf>.
3. Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
4. Горелик Г.Е. Встреча цивилизаций на краю света // Знание – сила. 2016. № 6. С. 77–85.
5. Законодательная техника: научно-практическое пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: ИНФРА-М, 2000.
6. Зорькин В.Д. Тезисы о правовой реформе в России 23 октября 2009 года [Электронный ресурс] // Очерки конституционной экономики. М. ЮСТИЦИИНФОРМ, 2009. С. 20–36. Режим доступа: <http://www.philosophicalclub.ru/content/docs/p3.pdf>.
7. Какими быть законам XXI века?: По материалам научно-теоретической конференции, посвященной 75-летию ИЗиСП // Журнал российского права. 2001. № 3. С. 16–49.
8. Киревский И.В. О характере просвещения Европы [Электронный ресурс] // Библиотека «Литература и Жизнь». Режим доступа: http://dugward.ru/library/kireevskiy/kireevskiy_prosv_evrop.html.
9. Лановая Г.М. Формы существования базовых типов современного права. М.: ИГ Граница, 2014.
10. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013.
11. Медушевская Н.Ф. Интеллектуально-духовные основания российского права. Монография. М.: Изд-во СГУ, 2011.
12. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. М.: Логос, 2004.
13. Мирошниченко О.И. Русский культурный архетип как средство идентификации современного российского права. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М.: РУДН, 2016.
14. Овчинников А.В. Культурно-исторический контекст политико-правового процесса в области образования в России // Пространство и Время. 2014. № 1(15). С. 153–160.
15. Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2004.
16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2005.
17. Nelken D. "Using Legal Culture: Purposes and Problems." *Using Legal Culture*. Ed. D. Nelken. London: Wildy, Simmonds & Hill Publishing, 2012, pp. 1–51.
18. Wortman R.S. *The Development of a Russian Legal Consciousness*. Chicago: University of Chicago Press, 2011.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Сигалов, К. Е., Мукиенко, И. Н. Ещё раз о загадках российской правовой культуры / К.Е. Сигалов, И.Н. Мукиенко // Пространство и Время. — 2016. — № 1—2(23—24). — С. 167—176. Стационарный сетевой адрес 2226-7271prov_r_stl_2-23_24.2016.72.